

Владимир Кучерявкин

НАД ПАРУСОМ ГЛАЗ

Родился в 1948 году в Калининграде. Учился на отделении английской филологии Ленинградского университета.

Осеннее возникновение матери (1982) / "Часы" № 40,
частично: "Круг" (л. 1985)/

Приближение: облака и степи (1984) / "Митин журнал" № 4/
Переводы:

Тибетская книга мертвых /Бардо Телол/ (приложение к журналу "Часы")

Из американской поэзии: У.К.Уильямс /"Предлог" № 1,
перепечатано: "Часы" № 59/, Э.Паунд /"Предлог"
№ 6/, С.Плат /"Часы" № 39/

Сен-Жон Перс. Птицы /"Часы" № 39, перепечатано:
"Предлог" № 4/

Я.Пасерб /"Часы" № 48, перепечатано: "Предлог" № 2/
С.Гроховяк /"Предлог" № 4, перепечатано: "Часы" № 59/

МЯСЦА ДНИ

1. Мирные дни

Пробежала по небу дроздь —
это долгий и серый дождь.
Раскинул он руки и начал
Строить в лужах себе мутную дачу.
Я иду, улыбаясь всеми зубами
Низкого облака бабе
С лицом несприветливым и плаксивым.
На углу продавали пиво,
Очередь стоит и спокойно мокнет,
С глазами, как смоква,
Словно ждет железного топора,
Который улыбнется грустно и скажет: пора.
У продавщицы не лицо, а ржавый гвоздь,
А люди как мокрый хвост.
Горизонт над домами всё чище,
Будто собрали он свои ушки,
А потом говорит, обращаясь к ветру: гражданин парикмахер!
Соривай-ка ты мне и бороду на-хер.
Вот он вставил себе солнца монокль
И стал ну совсем как мол опсе
На фотографии из мамина альбома,
Где он стоит, увеселенный, как бомба.
Я тоже помню войну, когда шли бесконечные злые дожди,
И на крыльце там старый дед сидит,
Ковыряя в старых своих зубах,
А глаза у него медная труба,
Когда он смотрел на идущих по лужам нас,
Несущих ружья и противогаз
И поющих тихую песню похода,
Туда, где живут другие народы.

2. Мы жили во дворце: Морокая, 9

На песке, где уже холода положили мохнатые лапы,
Остался серый трупик чайки.
Волна, залгив слово, скользнула коротким сном,
Под сапогами стеля бесконечное темное тело.
Мы жили вдвоем во дворце.
Тихо дымы по даче плывут,

В комнатах пахнет тобой, где смирное тело твоё
было как посох.

Посох резной.

Но здесь, на берегу, когда уже стареет неба лицо,
Чаёвки лицо, живой ещё, как и мы, вот приближается,
точно небо.

Я так не привык к переменам: поле, трава,
блеск оконный вдали, гнев осенний залива;
Убирают картофель; ветер как взгляд, где любовь.
Тянутся старые женщины мимо окон,
Идут в магазин и обратно,
Фигуры тихие, взгляды — живая земля.
"Здравствуйте. Да,
Ранняя нынче зима... А той удивительной жизни
Лучше не вспоминать.
Мне было 16, когда на землю легли эти белые руки.
Это как кровь на глазах.
И она кричала.
Лизгала губами война, и снова война,
Пальцы с винтовкой,
Сабля в руках или знамя,
И чёрные шагали матросы..."
Над головой девочка бежит, топает ногами,
Гулкие шаги и тонкий визг восторга,
Серебро дверей на морозе,
И мы жили...

3.

Музыка ночью за жёлтым столом,
Далью разметались волосы сна
Под востром музыки, с твоими глазами,
большими, как от удара,
Откуда татарин смотрит раскосый, а ты у него
за спиной,
Как заря, что розовыми перстами ложится на плечи тьме.
Далеко два неба глаз твоих в водах лица.
Теперь, когда в лахте холодная ночь.

4.

Вчера, например, я ходил гулять,
Где растут картофельные поля,

И вздыхает в море отрывисто чайка.
Так был старик с лицом кукурузного початка.
И подумал, он, что ли, слепой,
Или, быть может, это запой,
Когда он стоял лицом к зелёному морю,
Как тёмное горе.
Дул резкий северный ветер,
И старик мне тогда ответил:
Скоро станешь и ты, как я,
И оставшая страна семья,
Когда белые глаза не смотрит ни влево, ни вправо,
А только кричат с каждым шагом: "браво!"
Руки его тремелись, как комбайн,
Но лежали тихо лица гроба
С заколоченной крышкой выражения лица.
Он говорил, что начинал в двадцатом,
Когда страна была похожа на большое сердце
С глазами, полными перца.
Он скоро большим человеком стал,
Ступая по лицам, он всё испытал,
И свой всегда правильный нос
Туда, куда надо, уверенно понёс.
И вот он у моря, растерянный старый старик,
Похожий на слабый крик,
И провожает меня словами:
Я б хотел познакомиться с вами,
Но через высокую стену сердца не прыгал давно,
Даже когда ещё не был совсем говно.

4.

Однако день сегодня скалит зубы.
Рассвет склонился на плечо домов,
И день, похоже, не совсем здоров,
Он отсырел и душно пахнет.
Ботинки тонут в жирном снеге,
Всё будто сном подёрнулось,
И небо надо мной как старый виноград.
Навстречу женщинам, рабочие, все в робах,
Они смеются и глядят в глаза, и дальше, чем глаза,
Где офицер задумчиво стоит,
Лицо как дерн,

И сам стоит он, ворон,
 Насмешливый и тонкий, будто плеть —
 Но вот уж за спиной их женский смех,
 А мне протягивает влажный звук лева.
 Да, офицер стоит там долго.
 Выходит трактор на поля и ссет,
 В Сибири ходит, выснавшись, медведь,
 Но там, в Сибири, словно на эстраде
 Разбитых народов, задуренных дургой ещё рукой,
 Мне всё казалось, он поёт, патрон в винтовке,
 Тонкие воробьи на ветке куста расливаются небом,
 Куст неподвижен и, лохматый, спит,
 Старуха на скамейке смотрит вниз, где ноги,
 И начиная этим путь домой, обратно,
 Где рот земли раскрыт, как бритва,
 Седой с погонами старик сидит и плачет,
 И яблоки в глазах с цветами на ветках,
 В садах, где он идёт ко мне,
 Высокий и в сверкающих погонах,
 Растёт во мне.

5.

Он проплывает с прозрачными лицами, тёплые,
 И разве не вот ли ночь дрожит даже на пальцах,
 И горячие стрелы заката летят в огни.
 Кто рукой твоей водит по коже моей?
 Ты, страна моя, с солнцем в глазах.
 Крик мой по небу странствует, тяжело дыша,
 Ты идешь ко мне дождем волос и пота,
 Крыльями темной любви, в самое сердце.
 Это она идет по земле, и вдруг раскрывает губы,
 А там звезды млечны...

6.

Ночь в комнатах, где только — ты и я,
 Тепло потрескивает глечь,
 Родина слёз моих, родина губ, языка горького,
 Теперь и кости любят, тело жарко дышит,
 Опутан сетью языка, и рук, и глубоких ног,
 Я — востер, и ребёнок, и отец!
 Колыхает сердце

Медленно ходят меж нами, как тонкое вино по океану тела,
 Где только нарус ичнтся: мама.
 В слезах твоих бессвязных кровь и мясо,
 Где губы расступаются, как море,
 И голос, словно облако, клубясь, подходит,
 И дышит сердце, дышат и глаза,
 И глаз, как солнце, медленно заходит,
 И вдруг опять крилами заснежил!
 И, как шепот, проносятся чёрные доловы крика!

8.

Как песни лад, и удивительные кольца
 В улах поющего сверкают, отягчая ухо,
 Так я еду, и на лице вино,
 И темнота в лице любви.
 Ты бежала по берегу пляжа на жёлтом песке!
 И слышу теперь, зверь беспокойный и тёмный,
 Там лёгкое крыло небес царит над головой.

9. В октябре на Морской.

Сегодня день как мокрый флаг у призрака в руках.
 Стоят деревья, как поэт, нагие,
 Бегут волнистые на запад облака,
 И гонят их холодная рука.
 На улице, застыв возле колонки,
 Согнулась тень и воду льёт в ведро.
 На небе ветер с тёмной Сородой
 По небу носит птиц, ворон и чайку, над заливом.
 Вдали, как сон над пропастью, собачий лай.

10. На Садовой.

На мосту висят и смотрит в воду фонарь.
 В колокольне зелёной звонит звонарь.
 Я на улице, от осени ржавой,
 Как и вся большая наша держава,
 Взглядом своим она, как сова,
 И всегда перед нами права.
 То вижу над собой её белые глаза,
 То сам и будто мутная слеза.
 Трамвай на перекрёстке заковал по стрелке,
 Тени постепенно становятся волки.

II.Отрывок.

Тем снисходительнее ухо:
 К нам приближается Россия,
 Окурок двух династий,
 Ландо с ревущим ветром плаката,
 Газобойник милый и с усами.
 Вы не хотите ли Европы,
 Очаровательный покояник,
 Расстёгнутое поле чести,
 Горячий гвоздь в челе народов.
 Глагол бежал, меняя власти,
 Но спи, Москва.
 Москва не спит, как яростное поле чести,
 И ветер стоит, распахнутый народом,
 Ему назначено сеять и наслаждаться,
 И ослепительных садов слеза
 В далёком поле.

Увял, задумался Париж.
 Актёр идет, спешит разносчик,
 Извозчик вышел в армяке и встал картиной,
 За огнями сплелись улыбки дам,
 Там бал, там магазин, там планета.
 Он не оставил церемоний:
 И утром глаженые изысканно белья,
 Полёт задумчивых очей над Монпарнасом,
 И странности царят
 За окнами в далёком Риме,
 Ауда приходит постепенно краснооая,
 И красные мозги висят на стенах бань и банков,
 И всюду расторопный наш народ,
 Как море, белый свой отверзнет взор ужасный!
 И толпы с белыми глазами под песне!
 Сжигает вечера позор прекрасный,
 Расходится рабочий, мирно ночевать.
 Колода дни и дней.
 И на крыльцо ума восходит мальчик,
 Ещё не пойман, с плетью на губах!
 Он спит. Растёт.
 Обворожительна сомнения сирена,

Европа медленно бежит во хлев,
И кто там из числа народов прав,
Она не скажет.
А мы восстали,
Невидимые призракам толпы,
Как комиссары трепета и сердца!

Вдали разрушены руины.
Рука в созвездии реки сверкает вдалеке,
И мысль течёт, как осень в первый день.
Когда сворачивать ветрила,
Решать не мне. Испытанный ходок
По крышам снов, как стиснутые зубы,
И жду. И твой. И помню всё.
И помню всё: и дымный глаз востока,
И запад, как встревоженных грачей,
И уголовщину людей,
Собравшихся под южным солнцем плакать.
Их трое было. Летние костюмы
Спянием съедали глаз.
И улыбался бешено в усы
Огромный предводитель, как улитка,
Готовал к прыжку.
Хозяином глазом меряя Европу.
Но из болот встаёт она и рыщет,
Подняв голову врага, как пистолет.

ЗАКОНЫ ПИТЕИ

... к открытию закона питеи. Земля прорастает руками, которые говорят не только о хлебе. Тень человека бледнеет в воздушном слове. И я не старей очарования этих берёз под окном, сжигающих складки времени. О какой тонкий роман рождается в паузах медленно гаснущих глаз, где есть, казалось бы, и земля, и боги, только спят они, и пламя их медленного дыхания тормозит понимание...

... после деревьев, к звёздам поднятых темно, разрушает, наконец, страх, и он отползает прочь, всё ещё продолжая сниться чревом. Лестные запахов: один за другим столится по земле, тоже размышлений и уже немолодой. Поюток день в сентябре. Звон его тонкий, и такой, что забываешь, на что же, право, живёшь — это когда слышишь едва различимые струны в грохоте неожиданного солнца — и рот исчезаешь, смеясь, хотя бы на миг...

... я в комнату wpłyвает голос мальчика. Там он хранит, страх, почти утонувший в голубом колодце холста, хор этой жизни...

... разве прошёл этот ветер меж нами? Колосья под луной, голос подсолнуха, гость из пустыни, населённой духами мгновения. Медленно по запястьям стекает тёмная капля крови — о, не узнать до конца, что же это такое — и сплывает ночь в одно большое звучание. Я выхожу к предметам, время не остановить, как ни вглядывайся, только любовь, руки подняв, уходит всё дальше, и скоро совсем скроется в дымке сентябрьского полдня...

... во рту, где нависали зуси, гарь такая, что боязно лететь. Ах, этот старый еврей блестит сединой, как парк, в котором мы когда-то гуляли. За окном, в темноте, столица нема, где отец проходил, усталый, как солнце над морем, в военной булавке, умный, горячий и быстрый. Он про штык рассказывал быстрое что-то — и всё вокруг вдруг озаряется пением раскрытого, как крылья живота. Родился же когда-то я я, чтобы понять, что называется боем, и куда потом глаз относит свою чистоту, продолжая жевать школу, газеты, отца, круга взну-

рённо, как Дант, и всё кажется, вот пройдёт он, как эта лампа по глазам, гневный и чуть не смитой, как ворона, вращая глазом, вольк в пустыне...

... надо сказать, пути мои сошлись в одном твоём лице. Морщины вокруг глаз — ты улыбаешься. Лицо тысяч летит по ветру взгляда, я, как ночь, гаснут глаза. Тихим движением возникает вечер, слагая улыбку в сером пламени. Прокопий несёт свою сумку домой, где медведь медленно убивает детей — до тех пор, пока не вспыхнут великие толпы, волна поколения, принесшая и меня к пониманию боли и одиночества. А твоё лицо становится дивным городом, где жила моя мать, и годы были как светлые тени. Сегодня осенний ветер несёт нас всё дальше к земле, в глазах отблеск закипающего семени, и дом, как художник усталый сидит, в зеркало озера глядя, где лица проходят — слово за словом...

... остановить ли бегение крыл портрета на стене, или медленный лоб встающего утра на востоке, разбитый ударом солнца. Море стихает, темнеет, шеренги неровные птиц пробираются к западу. На площади пивом торгуют, где улыбка стекла ясна, и, как дети, весёлый рабочий идёт, раздувая пену. Лица морозны. Мерцание рук, застывших ручку стекла — и всё легче полёт в облаках похмелья...

... ветер начинает долгое путешествие по ступеням сознания, расширяя его до трепета взгляда, и ты, разминая сигарету, слушаешь тёмное пиво, видишь его густой настороженный взгляд, пламени чистая кожа. Старости годы, крепкие и в алкоголе, спят совершенством, где боли слепое лицо горит в обнажённой свободе далёкой воли...

МАЙСКОЕ

Чернобыль — крупный вид полни

Словарь Даля

Имя той звезде полни

Откровение Иоанна Богослова

Завешены болью и былью глаза,
 Восстал на другие народы.
 А здесь понемногу толпится в кино
 Товарищ сознанием попроче.
 Вот меркнет на небе, и меркнет экран,
 Выходят на улицу толпы.
 Бежит по проспекту с лицом, как ура,
 Большая с шофёром машина.
 Я кепку надел и на дождь поглядел,
 Он уминым лицом мне ответил:
 Когда бы не горькая эта полнь,
 И я бы стал тёпел и светел.
 Толпа под зонтами текла, кто куда,
 Со страхом глядя на асфальты,
 Где чёрное было и тоже текло
 Минувшее облако тело.
 И мы замолчали друг друга понав,
 Он шёл и бежал — я у стенки,
 И воздух, храпя, как морда коня,
 На дома таранил зенки.
 Что было, то было, быльём поросло,
 А где не растёт, там чернеет.
 И череп Украины лысый летит
 Над непокорённой Европой.
 На острове Патмос безумный еврей
 Безумными взорами шарил.
 И небо ему отвечало: скорей,
 Записывай чёрные били.
 Лежит перед домом железобетон
 Большой некрасивой кучей.
 А там, распадалась, лежит человек
 Ужасной кучей поменьше.

А там, возвытаясь, стоит гражданин
В отглаженной брючной паре.
Он смотрит растерянно. Череп на нём
Как новая карта Украины.
Вот кепка промокла. Пора по домам,
Сгорела, как быль, сигарета.
И горько, как будто жевали полынь
Мои поредевшие зубы.
А если промокнет моя голова,
Что скажет жена изумлённо,
Когда я свой череп, бел и блестящ,
Открою навстречу разбою,
Как карту атласную белым лицом
Валета ужасной масти,
Бесь череп, как будто с усами яйцо,
Чьи руки дрожат от власти.
Дрожат на деревьях сырые листья,
Дрожит в подворотне котёнок,
И черепа дом остаётся пустым
И чёрным внутри, как газета.
Где розовый бант, где кулак в огне,
Кто ходит теперь по паркету
И белым, и злобным, бессильным лицом
Бессильно диктует приказы.
Восток притался и запад молчит,
На лицах народа сознанье.
Они исчезают в подвалах метро,
Как будто теряют сознанье.
Сейчас только были, забылись потом,
И только в кармане газета,
Кривя от усердия правильный рот.
Расскажет нам чётные байки.
Украина родная, где я не тусил,
Где мать, и швели абрикосы,
Вот с выжженным глизом куда-то бежит,
И вылезли чёрные косы.
Она по Европе, теряя лицо,
Прошла, и дрожали народы.
Как будто опять она стала бойцом,
Как в предание славные годы.

А в Киеве строят прекрасный вокзал,
Где тихие бегают дети.
И взрослые тоже под шёпот дождя,
Несущего чёрные были.
На чёрных ветвях сновидений висят
Слепые пожарные тоже.
Вцепившись глазами в сознание, поют
Всей своей героической кожей.

.....

ПУШКИН

Мы встали на пороге дома,
 Два духа, полные беды.
 А ветер носил туда-сюда
 Портрет большой и на стене издалика знакомый.
 То прыгал, то взлетал, как злобный чародей,
 И не смеялся,
 А всё висел, дрожа, как отражение в воде,
 Чуть колеблемой дыханием осеннего неба.
 И ты была, как бьют в колокола,
 Вся в ветер одета,
 Как пробуждение ото сна была
 С звездой во взоре.
 В волнах Небы застыли пушки на Авроре.
 Навстречу северной авроре
 Выходит Пушкин из-за угла,
 Пленителен и тонок, как стрела,
 В крылатке, чёрный, как ворона,
 В глазах его блистала грозная ворона,
 Во взорах чёрные смотрели крылья,
 И взгляд прямой,
 И оставался долго он немой,
 Застыв печально,
 И весь был мой — не их и не его,
 Кто там болтался на стене.
 Он не колеблем был ни осенью, ни чернью,
 И сам смотрел, как ветер, на меня,
 И сердцем я бежал, что было сил,
 Его безумие ценя.
 А ты ждала, ему на руку опершись,
 Ворона взоров стихли, улетевши на ночлег,
 И всеми fibres души
 Я не забуду скрип его телег.
 Он на душу мне чёрным ямбом лёг
 И там лежал, задумчиво уставясь
 В костры, цыганы, облака,
 Где над бумагой повисла
 Его с ногтями синими рука.

И с нею я бежал быстрее лани,
Быстрее, чем стучало сердце под пальто!
Раскрыв свои алые длани
Летело над нами вино.
И мы пошли к нему легко, как три сирены,
Любя их пение романсов,
В саду под кустами сирени,
Как герои старинных романов,
Которых в памяти собрались тучи,
И собирался летний дождь,
И нас с тобой уже не мучил
Тот взор, что был портретам вождь.

НАПРОТИВ

В перспективе разворачивались улица,
А рядом девочка садилась,
Прохожий со взглядом, как мило,
Бежал по жёлтой улице.

И он шагал, шагами тароватый,
Бежал и шёл, будя окрест,
По небу облаков, как ключев ваты,
Не задевая белых звёзд.

И облака летели в голове,
И я стоял, лацонями небес накрытый,
В душе ходил спокойный свет,
И бог стоял, богат, как боги.

Рассвет летел на острова,
На катюбе вождь стоял и плакал,
Он подошёл, сплошная синева,
Блестя мне зеркалами стёкол.

Но бог молчал. И уж давно,
Сминая задами сиденья,
Сидели молчали в авто
С глазами как коренья.

Я подошел и стал анфас,
Шутя и краснооко,
А вы летели день и час
И отрапались в небе окон.

И села напротив за столшком белым
Девушка, и смеялась, как змея,
А рядом ходила и пела в усн
Белая смерть.

В снегах лица отражалось сознание печали,
Там кто-то прошёл и оставил задумчивый след.

В ресницах глаз смотрели дали,
Где злой охотник выходил на лёд .

За столиком и я, вином вчера богатый,
Сяжу, и выпил резкий сок,
Но, девушка, вы разве виноваты
За тот смертельный смеха ток.

Как тук, туда-сюда трясётся
Твоё смертельное лицо,
Оно летит, оно, летуя, пляшет,
Как будто мрак бывал его отцом.

Как будто вышел в сновиденье,
И, гордый сам, трясусь от страха.
Её глаза как преступленье,
И пальцы на столе как маленькая птаха.

ВОСПОМИНАНИЯ СО ЗВЕЗДОЙ НА ЛЕВУ

Бывало, сидешь на печи —
 Бот тонкий лист срывается с ветки родимой,
 И долго в воздухе прозрачном и живом
 Он реет над дорогой.
 Но равнодушный пешеход всё не глядит, собою занят,
 Лишь трость летает взад-вперед, и бьет кусты.
 А ты сидишь и ничего не видишь,
 И только таракан покажется вдруг сладким сном,
 Когда стоит и шепелит он усом,
 И серые солдаты по глазам, за взводом взвод,
 Уральские пустынные поля и горы,
 Где ротный командир летит с мечтой в глазах,
 Пинель расстегнута, белеет грудь, как сложенные крылья,
 И Острый ус упёрся в небеса.

Под потолком на даутине, как поэт.
 Везде снега.
 Декабрьский день как глаз, прищуренный усталю,
 А там отражённые лысые роты с раскрытыми ртами,
 И мальчик в скомканной пинеле
 Стоит и смотрит молча, и уходит,
 Хромая, смотрят на меня в снегах тайги,
 Где строим дом не жить, но убивать.
 Горит тайга.

Ты врач, я душу успокой, мой резвый спирт.
 Горит страна, а мы стоим, немые,
 С раскрытыми глазами, как гитара,
 Где белые российские онега
 И где пожар уже в полнеба.
 Пожар бежал на горизонте глаз, заросших лесом,
 Мой дом, окно, где я живу и вижу, иду,
 Как ты придёшь ко мне, горькая, больная
 И тёмная, как эта ночь, придёшь ко мне.

Хлеб в кулаке, мокрая сигарета
 И бледный рассвет над тайгой, как мозги в похмелье.

Но вот, весёлый, шагаю по проспекту,
Заглядываю дамам в очи,
На что в ответ они смелы и все прекрасны!
А бог плясал,
А на востоке, огромный, стоит и стреляет отец,
Он по-китайски что-то говорил и плакал,
Но я забыл прекрасное лицо
И сгорбленную маленькую спину.
Он в логове чужом сидит и пьёт,
Как весь немой и терпеливый наш народ
И вся страна с разбитой мордой
Всё улыбается, всё так же гордо,
И мысли нет в трясущихся губах.

А мы маршируем всю зиму, ать-два,
Несём на руках карабины,
И ротный над полем, где рота лежит,
Висел замечательным криком.
Когда слава вождя оторвалась и с воем летела нам на головы,
Поля снега вдруг почернели: вороны.
А чёрная боль в телогрейке, в штанах из ваты
Едрут, как весна, становится крылата
И долго над тайгой летит из уст в уста.
И впрямь весна,
Где мама у окна,
И где отец с тоской твердит китайские слова,
Где с языка земли содрали кожу
И чуждыми звуками кричали в року,
И на лице ужасная осталась печать.

Выходит солнце из-за крыши дома,
Уж три часа,
И в зеркале небритая щека как бы весенний серый снег,
Где трезвый Пушкин бродит тенью.
Он бродит, и кружится голова,
И вот уже за обрывами
С великими и молниеносными крылами -
Всё здесь моё, на всём рука и сердце,
И сладкая махорка в голове, как водка,
И по волнам моря уносит эта лодка,
То вновь приобьётся к берегу, где землю рыть.

Папа, помнишь ли лето,
 Ветром объята трава, где мы лежали,
 Твои глаза мне были как вино,
 Рука как книга,
 Ты мощными крылами, орёл, тьмоту мерял там,
 Дёка небритая летела в синеве, и тонкий взгляд.
 Пришла моя пора,
 И бог не объяснит, зачем я здесь один.
 Горит передо мной стакан вина,
 Горит передо мной страна,
 И зреет плод. Падёт ли, будет я,
 Всё перед ним ничтожен я.

Мёрзлые нарк, каменный пол,
 Мы на пол сели, тихие, как динамит,
 Перед порхающим над нами пистолетом,
 Чайка усов над зыбью великого мата,
 И там, в Кремле, всё головы летят и плачут,
 Но бой курантов лишь доносится до нас,
 И смотрит в спину неподвижный глаз.
 И был всего один с мечтанием в глазах,
 Он встал один, покорный, как медведь иль глина,
 И осветив сияньем тайным
 Тайственную жизнь лица,
 Где памяти росли дремучие леса,
 Он встал — и вдруг восстал, огнеглазый!
 Но не успел, как твёрдо по спине прошёл Мамай приклада,
 И крылья не успели прорасти, как, просверкав и звякнув,
 Очки упали с носа — стал камень пола близорук —
 А перед носом сапоги на лбу.
 И он кричал.
 По одному — мелькала только дверь перед глазами, как удар,
 По одному — и чёрный рот с ударом в спину.
 Уходит день.
 Когда поэт, когда солдат иль узник,
 Пью красное вино и только помню кедр,
 Они кричали, падая на снег,
 А мы шли дальше музыкой убийства.

Рассвет застал меня на островах, где падал тихо лист.
 Понятен ли подвижный зрак любви,
 То облако в лице, то руки задрожат,
 И белое, как мёртвый, небо
 Хранит немало тайн и чудес.
 Идёт оно за мной и тихо дышит в спину.
 Но вот оглянись — и запахом сирени
 Кохнуло далеко на поле Марса,
 И вот я кний, как солдат при Сермопалах,
 И предо мной встаёт прекрасный бред картины:
 В вагоне спят,
 Свет пробегает по прекрасным лицам,
 Не зная о смерти ничего,
 Когда топор небес летит уже навстречу,
 И каждый ждёт его всей кожей, притаясь
 В пустом нетопленном вагоне, у окна, сжимая в бёдрах
 пальцах маску,
 Которая тоже стонет от боли,
 Но ты вошёл и светлой тенью обнял,
 И в окнах начинается рассвет.

СТАРИК

Заскрипела и гавкнула дверь,
 Будто испуганный зверь,
 Прошамкали шаги по крыльцу и по снегу,
 Скрипучему, как стариковский смех.
 Он кашлял, наливая полный стакан,
 И сказал негромко, помогая руками,
 Что бегали, как две шустрые птицы,
 Словно приглашали немедленно бриться:
 "А бывало так: закричишь ура, и нет на лице лица или глаза,
 Ишь руки, ишь ног обеих сразу.
 А то подползёшь по чёрной луже, а он не дышит,
 Весь сгоревший дом, и лица обвалилась крыша..."
 Мы сидели за низким и тесным столом
 Всю ночь, пока над водом не стало светло.

Старик в паутике старого лица
 Весело съехал с крыльца.
 В руках два резиновых толкача,
 И по улице едет, руками улицу суча.
 "И рота поднялась под капитанский рёв,
 Который был всегда пред нами прав,
 И падали, за винтовки держась,
 К матери падали в грязь.
 По лицам бегут ракеты,
 Я помню такие плакаты,
 На которых страшно
 Лежит на дороге воронье брашно.
 И он взял пулемёт и пошёл, песню жуя,
 Рвать васильки фашистских глаз, друзья,
 А дружка синеглазый букет
 Засох в оторванной руке.
 И шли они и топтали, как рожи,
 Нашей роти тяжёлые рожи,
 И ты сочился на горячий ствол,
 И больше никогда не встал.
 Белые пальцы ракет осмотрели меня кругом,
 А ты лежишь мне в морду мёртвым сапогом.

Смерть понималась над родиной, как белый флаг,
 А та поднимала кулак,
 И хлопает белыми глазами смерть
 У каждого здесь в уме.
 И старый немец на заборе в светлой каске —
 Как постаревший принц из старой немецкой сказки.

"Я больше не вижу, где две мои ноги,
 Только руки, как две кочерги,
 Ночь головы стара и странна,
 И говорит: прощай, моя страна....

Умолкни, старая собака, нужно спать давно!
 Застыли дети,
 Улопнула дверь глазом.
 Я пощимаюсь всё выше на свист неба,
 В открытых окнах зимы, мокрого взгляда заката,
 И горы лет святых и тихих надо мной.
 Теперь совсем уж красные лицом.
 Там женский крик, как нож, и жизнь, как нож.
 Я посмотрел: безногий он иль щет,
 Собака рядом, высуня язык,
 Закат застал врасплох, и пена на губах.
 Он тихий и безногий бог,
 И так же всем далёк и непонятен.

В ДЕКАБРЕ

Звонок: вошла без зуба с тонкими ногами -
 Я спал и встал, надел и весь ушёл,
 Как сон, полёт и гул рассвета.
 Падают морды мокрого снега,
 Размокший воздух был как полотенце в бане,
 Где шлёпает солдат, но голова бежать не может.
 Исакий утонул в размокшем небе,
 Размокло всё: и новые ботинки,
 И отражения прохожих в мокрых стёклах,
 И белое лицо усатого партийца,
 По площади несущего портфель, наверно, в горсовет
 на башне с красным флагом в мокрой тишине.

Кресты высоко вскинув, -
 И сами бог, и тихие убийцы -
 Собор Владимира стоит слепой и дышит.
 Слепой тоскует у ограды,
 Осенний лес руки, где медь, а за спиной,
 Там, золотой церковный зал,
 Три гроба в тихом зале том
 Пльвут в потоке хора золотом,
 Три желтых сморщенных лица.
 Они сгорели и погасли, и теперь,
 Сухие листья, падают к земле.
 Она их съест и скоро позабудет,
 И только непрерывный хор: в свечах, иконах,
 В священнике, что ходит взад-вперед
 И знает, всё куда идёт,
 В старушках сереньких и шустрых -
 Он помнит их всегда.
 Весь храм поёт, и только я как тень.

Да, это дом: придёшь и сядешь у порога,
 На то я пламя свеч не гаснет в небе,
 И просятся тела туда, незримо и светло,
 Незримо и светло я бога продал.
 Старухи бегут, как мыши,
 Иные кучей тела на полу

Смотрели вдаль.

Там в стихаре и с книгой поп большой,
Он шёл ко мне, издалека кивая,
Он нёс меня вокруг прекрасных лиц,
Он нёс меня среди прекрасных к чаще,
И бьётся золота поток и в нём, и в нас: в тебе,
Целющая утроба с глазом наверху.
Согнувшись, я стою,
Я шёл, шагая осторожно, к чаще,
И все старухи, что собрались молиться,
Смотрели изумленными глазами: вот!
И только мёртвые лежали тихо, три, закрыв глаза,
Ангел хора, лёгкими крыльями вытянув губы,
Омывал их, к губам приставляя, как трубы.
А я тяжёл.

Мне от земли не отойти пока,
Я весь в земле, и даже вся душа
Бредёт в земле и только видит свет,
Далёкий я слабый, как лицо беременной.

Нищий слепой всё стоит у ворот,
Корабль плывёт, где его счастье,
Тает снег на ладони в лесу,
Незаметно растаяло детство с тоской и надеждой,
Стоит без шапки, и мертвы глаза,
Как летучий голландец, плывёт в облаках,
И мокрый снег на губах.

ВЕТЕР КАК ОЖОГЪ

I

Лети и прыгай в пламени букв,
 И пролетай спокойно.
 Потом, земля двуострая, расправь язык
 И глаз закрой: там время надвигается бешеным лицом.
 Земля свернётся, выбросит язык,
 И весело осветятся глаза и зубы!
 И тело, как свисток, забьётся в ветре слов,
 И молния сверкает на устах!
 Дорогой грома мая
 Идёт, весне витая,
 Большой и прекрасный боец,
 Он вечный покоритель сердец,
 Ему на могилу носят цветы,
 Он с каждым временем на ты,
 Хотя слепой, но посох твёрд, как парус в ветре звёзд.
 Он — птица чёрная в могучем небе боли,
 Он у тебя в груди и на устах.
 Так я стоял перед окном, смеясь,
 Апреля тёплая щека витала за окном,
 И, полный золотым вином,
 Передо мной стакан прохладный полдня.

II

Здесь только галок крик, как запятая,
 Среди берёз и белых облаков.
 Горят и ходят буквы в книге,
 И ходит голова, как дом в огне,
 Горячая рука больного полусна
 Рассказывает, бабочкой порхая,
 Про то, как вождь стоит перед лицом.

III

Тот лес вдруг показался вороном крылатым,
 Пришёл и взял, и вот понёс, мелькая в тёмном глазе,
 Где тёмные деревья над водой.
 Теперь вдали над хатой дым, как тёмная рука,
 И вдруг лицо той хаты близко,

И ждёт, и руку жмёт, и говорит: садись, поговорим.
 Седая борода, как у отца,
 Когда уже считаю годы,
 Когда сплел и думал: вот так,
 Я жил и незаметно стал пятак,
 Но губы ждут ещё другие губы,
 Другие и прекрасные глаза.
 Здесь ветер и волна дерсьев на холме,
 Навоз и крепкий запах пота.
 Рабочий, бью асфальт, цепляю трос,
 Здесь, за окном, где Пушкин, как святой, скакал,
 И говорят между собой цыгане, лошади и дети.

IV

И ветер как огонь.
 Вагон трясёт,
 Спим.
 Мы молоды, где нас не ждут?
 Там, где убивать.
 Рассвет дрожал своим прекрасным пальцем,
 Ты — озеро в лесу, ночью!
 Там проезжал казак с пробитым глазом,
 То был отец, обросший алкоголем,
 Он гетмана кричал и озирался.
 Угрюмые заводы лиц людей
 Ещё плотнее обступали,
 И твёрдая поступь тысяч шагов
 Расправила тёмные крылья.

ПОД СТУК КОЛЁС

I

За разговором и за чаем, глядя мимо глаз,
О ритмах и не вспоминая тех, но зная даже кожей,
Когда проходят тени, и печальны...

2

Далёкий край.
Море сухое, как мёртвый язык.
Родина только по слуху.
Пыль.
И солнце как назойливая муха.
"Тутен так, - говорит ребёнок,
Золотоголовый, как белое облако,
Где плывут два маленьких неба -
Ком, ком, Пышка".
И мы жаркой порой
Сидели и думали о деньгах,
И о напхи, отбивающей удар за ударом.
Хочется спать.
Будто в мягкой, тёплой смоле застрял,
Едва шевелится паук мозга.
В тишине голосов, всё выше,
Бьётся зелёная муха.

3

На Алтае две дыры:
Панкрушиха, Хабары.

Песня

Тяжёлый поезд, где красот не увидеть,
Где голова как сапоги в пыли,
Ступает устало
Подстук чужого колеса по хрупким снам,
Где по мозгу ходят комары
И покрикивают: хабары!
Где сам пан Крушиха с усами стоит запорожца,
И над полем плывёт его красная рожа -
Там "здравствуй" сказала старушка, за окном пробегая полем,
И продолжила тихий разговор, как паук в своей сетке,
Где теперь бьётся внимание - но вот вокзал!

Проснись, друг, теперь ждать автобуса.

4

Свекольные и чахлые поля.
 Вступая в жизнь, беру лицо её наощупь:
 Здесь что ни запах, то китай,
 И называется Алтай,
 Широкая и медленная степь,
 И русская широкая деревня,
 И трактора, и пыль, и комары,
 И далеко остались Хабары.
 Всё здесь взросло людьми, полно людьми,
 Их лица по просторам сердца ходят,
 Как почтальон без адреса на письмах,
 И смотрят мне в лицо, но нет, не узнают ни номера, ни дома.
 И хлеб коричневый глядит из этих рук,
 Тревожный хлеб, и горький он, как лук.
 За медленным стадом идём мы к дому,
 Окутанные пылью, мыслью дороги про нас.
 "Есть ещё люди? — говорит мальчик, паря лицом над забором,
 чистым лицом, как душа, —

"Позови!"

Стороной проходят армяне.
 Всадник-пастух за окном и мычанье коров.
 Как вкус мёда с его голосами старинными,
 Садится солнце опять предо мной, как закрою глаза.

5

Красногривый жеребёнок,
 Как маленький огонь, в глазах мелькнёт,
 По улице мелькнёт и в сердце остаётся,
 То затахает, то взовьётся,
 И пламя медленно проходит по рукам
 Колодца бесконечная вода, топор безжалостный и скользкий,
 Колодца бесконечная вода, горький сон,
 Где паути кружат мохнатым стадом,
 И юная мать
 Тает в голове тяжёлых снов.
 Звучит на улице частушка, и гармонь
 Разевает весёлые зубы.

купаются в воде
словарь Даля

.....

Сжигает медленную кровь.

7

Открытое небо.

Мальчик голый, весь окруженный водой,
 По улице тихо бежит,
 В лице Бенера, свист стрелы,
 И девочка уходит, плача, в степь.

Улица.

Дети играют в пыли, и одна подходит,
 Руку даёт: "Здравствуй!"

За заборами прячутся лица — женщины с их глазами,
 спокойными, как во сне.

Спокойно, как во сне, переговариваясь, проходят гуси.

Под крышей сарая, в полутьме, в лицо мне поёт голос:

"Мамчо, моя мамчо,
 Нехай буде быты".

Валера.

8

Вечер.

Плечи запахов несут нас по улице в степь,
 Чем дальше, тем незаметней.

Спи, спи, как крик кошки.

Пустые ходят вокруг, с пустыми руками,

Мертвый встал посёлок с немтыми глазами.

Думает.

Издалека смотрит внимательно,

Чуждый рот медленно дышит.

Смеркается.

Всё — тень в воздухе сиром.

Удар.

Плывёт во мне время.

Старуха близкая смеётся издалёка,

Глаза её — ветер над соснами,

Тёмное небо лица,

Тёмные руки,

Глаза будто два китаица.

И песня бежит весёлой деревней в окно.

И здесь прокатилась Россия,

Сидит, глядя из глаз на дорогу, где я,

Глядит на дорогу из глаз, где зарастает небо.

9

Вечернее пыльное стадо

В золотой паутине солнца.

Пыльная река оседает в реку.

Тонкий голос геоэда затихает в жёлтой доске,

Как в осеннем лесу крик одинокой синицы.

Умгую морду топора

Рваная рука осветит кровью и стихнет,

И оттуда смотрит,

Улыбается из красной крови

Дом наш и наша дорога.

Рассвет шагает, улыбаясь, и сидит тихий,

И руки мягкие сна вырастают из глаз

И собирают и дом, и рабочих, и время.

10

В купе плывут поля по лицам,

Свернулась пыльная равнина и лежит

С берёзами и запахом полыни,

Как глаз, где чёткая видна ворона.

Цыганка чёрная проходит, как ворона,

И вслед Аношкин прыгает из буквы,

Рождённый тряскою вагона,

И ходит предо мной, как смиренный чёрт,

И отворачивает морду.

Кладбище проплывает в мокрых окнах,

Там мех могил скитаются живые

И разговаривают с теми, кто далёко.
 Крестом выглядывает только смертных око,
 Трава и дерево речей
 И странный тёмный путь очей.
 Они всегда рядом, стоит протянуть руку сердца,
 И мать его, и тот старик,
 И сам пойдешь, замирая, как крик.
 Морщины, старости река,
 И странным словом кажутся века.

II

И так стучат колёса, ноги, руки — сердце,
 Я шёл, смотрел в глаза стране
 Полным изумления взором.
 Как далеко идёт мой брат, шагает и теперь
 Через моря в Америку и к чёрным неграм,
 Пришёл на полюс, и сюда, и дальше на восток,
 Хозяин он и гость.
 Огромный, с пьяной замирающей душой,
 Где лепестки то засмеются, то заплачут.
 И бегают перед лицом газета,
 В глаза не смотрит, мимо глаз кося,
 И побегала, быстро бормоча,
 Ободрана тем ветром монотонным,
 Что называется Москва.
 Ты, азиат, и ты, американец,
 Ты не ходи, я сам в тебе приду,
 Я научу тебя лежать и не дышать,
 Когда пройдет по горизонту пламя,
 И вдруг сверкнёт земля, как новый нож,
 И взрежет темноту, и сядет вся смеясь.
 И русский тоже засмеётся,
 Он говорят со всей землёй на ты,
 Отца убил я странно смотрит.

I2

Раскачивается поезд.
 Купе холодное плывёт под облаками,
 И вся страна, как рана, горяча.
 Смотрю на толстое лицо
 И слушаю рассказ дорожный.

Он бродит по лицу, волнуется в грудях,
 Большой живот то дышит напряжённо,
 То вдруг замрёт, и изумлённые глаза
 Сверкают в сумерках угла вагона,
 Как слово новое над бездной вод.
 И так живёт земля, и так стареет,
 Великое прекрасное лицо,
 Так думает, смеётся — ходят горы,
 Как мать, тепла, и губы, как рассвет.
 Всё промелькнёт — и вот стоишь, как сон,
 И весь вокзал с толпой и бегом
 Бдург примет вплотную к лицу и замрёт,
 И только где-то тонкий шум повис, чтоб помнил,
 Про это время, где живёшь пока,
 Потом же станет всё другое,
 Когда мне мясо скажет до свиданья,
 И тихо отлетят глаза и уши,
 И мама, улыбаясь, отойдет в туман,
 И останется только большая звезда,
 Которая сверкнёт и, может, скажет да.

13

Ты, голый мальчик, что сидишь в пыли?
 Я строю корабли, я капитан.
 А где ты поплывёшь? Боя там.
 И чайка пальцев замелькала
 Над парусом огромных глаз.